

Даниэль КЛУГЕР
ИГРА НА ТРОСТНИКОВОЙ ДУДОЧКЕ

*Рецензия на книгу Михаила Рахунова «Голос дудочки тростниковой»,
(издательство «Водолей», Москва, 2012 г.)
Газета "Вести" (литературное приложение "Окна»), Тель-Авив, март 2014 г.*

*Марокканский еврей курит пряный кальян,
Он сидит на полу на подстилке потертой.
Ты его пожалей, он бездомен и пьян,
У него нет жены и товаров из Порты.*

С этого стихотворения началось мое знакомство с творчеством поэта Михаила Рахунова. Он живет в Чикаго, за океаном, но сегодня, когда мир превратился в одну большую деревню, географические координаты местоположения не имеет равным счетом никакого значения – для культурного пространства во всяком случае. Потому и я не буду говорить о дальней или, напротив, близкой связи с Россией и русской литературой. Ни к чему это – мы живем в мире без границ, а русский язык давно уже стал еще одним языком, на котором говорят, пишут и творят люди, живущие в разных странах. Энциклопедии будущего (или как там они будут называться – после «Википедии», «Циклопедии» и прочего?), возможно, будут писать: «Русский язык – один из еврейских языков, язык общения евреев бывших стран СНГ и дальней диаспоры». Так что границы русской литературы вовсе не совпадают с границами России.

Вот и книга Михаила Рахунова «Голос дудочки тростниковой», вторая книга стихов поэта, вышла в московском издательстве «Водолей». Что само по себе может служить «знаком качества» - «Водолей», являясь едва ли не единственным сегодня в России по преимуществу поэтическим издательством, плохих книг не издает. Так что – выход книги поэта-американца в этом издательстве, с одной стороны, свидетельство поэтической зрелости автора, с другой – показатель сегодняшнего, в известном смысле, космополитического мира культуры. Границ то ли нет вообще, то ли их пунктир стал столь редким, что на него можно не обращать внимания.

И в поэтическом мире Рахунова границы столь же условны. Потому и стихотворение, процитированное выше, представляется мне в известной степени ключем ко всей книге. В нем та же степень условности. Условен Восток, где, как будто, происходит действие. Условно время действия. В самом деле, этот марокканский еврей, пьяный и бездомный – он откуда? Где, в какой стране курит он свой кальян? И откуда в этой стране вдруг появляется непонятный русский, бросающий ему монету «на водку»?

*...Это он так сказал, бросив стертый динар,
Что за странный язык, что за странное слово?
(«Марокканский еврей курит пряный кальян»).*

Все условно, все зыбко, все раскачивается, плывет в прямом дыме кальяна. Но они, этот еврей и этот русский, они-то реальны, вещественны. Будь я художником, наверное, даже портреты персонажей сумел бы нарисовать. Овеществленность – еще одна отличительная черта образов М. Рахунова.

*Женщины ткали холст, мужчины точили камень,
Несколько грязных собак рылись песке у реки,
Дети играли в траве...*
(«Первый поэт»).

Конечно, безусловным его учителем является Мандельштам. Иногда это видится впрямую («*имажинист эпохи ширпотреба*» об Андрее Вознесенском немедленно отсылает к мандельштамовскому «*я человек эпохи Москвошвея*», а «Ты вернешься в мой город дрожанием листьев...» - к «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»), но чаще – атмосферой, системой и характером образов. Это не подражание, это именно влияние, от которого не уйти нам, родившимся в России. Помимо «внеграницности», еще одной особенностью поэзии Рахунова является ее историзм – опять-таки, «нелинейный» историзм, исполненный анахронизмов, – но именно таким и только таким может быть историзм в поэзии. Только в такой хаотичной (вернее, кажущейся таковой) мешанине имен и стран современный читатель может не просто примерить на себя маску человека иной эпохи, но, напротив, может себя почувствовать живущим одновременно в нескольких временах: в лоскутной Австро-Венгерской империи 1913 года, в Корее 1946, в том самом Марокко то ли сегодняшнем, то ли вчерашнем, то ли вообще – из «Тысяча и одной ночи».

Вот едет некто по Австрийской империи, словно шагнувший в стихотворение Рахунова из романа Йозефа Рота «Марш Радецкого»:

*Нет войны еще в помине, нет обстрелов и смертей,
В ресторане сумрак синий, скука, несколько гостей,
В красных розах занавески, в канделябрах свечек воск...*
(«Памяти Австрийской Империи»).

Разумеется, читатель сидит рядом с этим благодушным свидетелем, он и сам такой же, благодушный. Но только частица его, этого читателя – она ведь из сегодняшнего дня. И потому он, читатель, уже знает, что

*Будет Прага петь по-чешски, отряхнув немецкий лоск,
Будет Лемберг герб орлиный урыть с холопской прямотой,
Будут горы Буковины под румынской пятой...*
(«Памяти Австрийской Империи»).

Атмосфера и образность, идущие от «Серебряного века», от акмеистов и даже имажинистов, парадоксальным образом позволили М. Рахунову с достаточной зоркостью и глубиной представить на русском языке американскую поэтессу Сару Тисдейл (1884 – 1933), до недавнего времени почти незнакомую русскому читателю. Исключение составляло стихотворение «Будет ласковый дождь», вошедшее в русский культурный обиход благодаря знаменитому рассказу Рэя

Бредбэри, цитировавшему это стихотворение и даже озаглавленному первой строкой из него.

Книга переводов Сары Тисдейл «Реки, текущие к морю», вышла в 2011 году в издательстве «Водолей», во многом, по инициативе Михаила Рахунова. И значительная часть включенных в книгу стихов, им переведены:

*...Печать красоты одиноко парит
Над миром бездушным, немым, как гранит –
О, кто же решится покончить с собой
В минуты восхода луны молодой?
(Сара Тисдейл. «Молодая луна»).*

Что так привлекло поэта в стихах Сары Тисдейл? Вот его собственное признание-посвящение (не вошедшее в рассматриваемую книгу, написанное несколько позже):

*Повторяю и вновь повторяю я имя поэта,
Ах, библейское имя, в старинной оправе кристалл!..
И приходит мне мысль, что похоже на таинство это,
На какой-то, так нужный сегодня тебе, ритуал...*

По словам Рахунова, душа Сары Тисдейл, добровольно ушедшей из жизни в 1933 году, словно призвала его непостижимым, мистическим образом, для того, чтобы прийти в Россию – не географическую, культурная Россия, в безграничное многонаселенное пространство русской литературы. И от этого призыва он, конечно же, не мог отказаться.

*Потому что сейчас, в этот день, завершилось скитанье,
В свете ярких лучей ты уходил из нашей глуши!
И стихи, что звучат, — обращенное к нам «До свиданья...»
Получившей покой, улетающей в небо души.*

...Строка Александра Галича, ставшая названием киги М. Рахунова, это еще один ориентир для путешествия по его стихам. Ориентир, отсылающий не только к творчеству Галича, но и к еврейской теме в лирике. Ведь Галич-то этот образ взял (и по-своему его аранжировал) из старой хасидской притчи. Еврейская тема звучит в Рахунова негромко, но оригинально – при том, что тематически она достаточно традиционна: Холокост, Катастрофа европейского еврейства. Для всего мира символом Холокоста стал Освенцим, Аушвиц. Для русского поэта (тем более, киевлянина) таким символом всегда будет Бабий Яр:

*И мрак, и ночь, и пустота,
И древний город словно вымер
Один полуеврей Владимир
Спасен покорностью креста...*

Неложиданный образ князя Владимира киевского, крестителя Руси, чьей матерью, согласно легенде, была ключница-еврейка Малка дает стихотворению свою интонацию.

В заключение повторю слова известного поэта, писателя и переводчика Евгения Витковского, сказанные им в послесловии к книге «Голос дудочки тростниковой»: «Нет больше «московской» или «южнорусской», «парижской» или «харбинскрй» поэзии. Есть единая, великая, создаваемая на русском языке чуть ли не во всех странах мира».